

А. Царевский

**Император Александр II -
Освободитель в памяти
народа своего**

Издание 1895 года

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Царевский**
Император Александр II - Освободитель в памяти народа своего: Издание 1895 года / А. Царевский – М.: Книга по Требованию, 2019. – 78 с.

ISBN 978-5-458-07655-5

Император Александр II - Освободитель в памяти народа своего: по поводу открытия памятника Александру II в Казани. Репринт издания 1895 год.

ISBN 978-5-458-07655-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Христовой цѣною крови и жизни этихъ героевъ, на вѣки упокоившихся подъ сѣнію святаго храма-памятника.

Есть у насъ, далѣе, памятники, увѣковѣчившіе собою для всѣхъ грядущихъ поколѣній нашихъ воспоминаніе о великихъ казанцахъ, силою и величіемъ своихъ богоданныхъ талантовъ прославившихъ Казань. Вотъ величественная статуя славнѣйшаго нашего земляка, вѣщаго пѣвца русскаго, гениальнаго поэта Державина. Какъ нельзя болѣе дружно съ этимъ державинскимъ памятникомъ уживется и открываемый, въ самомъ близкомъ будущемъ, другой памятникъ другому великому казанцу, доблестному представителю нашихъ умственныхъ силъ—памятникъ великому ученому Лобачевскому.

Есть, наконецъ, у насъ теперь и памятники самыхъ незабвенныхъ, самыхъ дорогихъ народу русскому великихъ монарховъ россійскихъ. Вотъ цѣлая слобода „Адмиралтейская“—памятникъ великихъ дѣлъ и начинаній, между прочимъ и въ нашей Казани, Великаго нашего Петра. Вотъ, кстати упомянуть, яхта „Тверь“—оригинальный памятникъ втораго нашего Великаго монарха, нашей славной Екатерины. И вотъ теперь этотъ, вновь вознесшійся къ небу памятникъ третьяго Великаго же Императора всероссійскаго—Александра—Освободителя, Просвѣтителя и Преобразователя Россіи.

Никогда, разумѣется, и никакой памятникъ не выразитъ величія дѣлъ и личности Александра II; но всегда, вездѣ и всякій памятникъ Ему пребудетъ самымъ дорогимъ и близкимъ для русскаго сердца, какъ памятникъ безмѣрно великихъ дѣлъ и безцѣнно бла-

гихъ преобразованій, какъ образъ величайшаго изъ Монарховъ благодѣтелей и устроителей своего народа. Для нашего же поколѣнія, еще помнящаго эту великую эпоху Александра II, для насъ, еще такъ близкихъ къ Нему самому, всего пятнадцать лѣтъ тому назадъ съ жгучимъ сердечнымъ страданіемъ оплакавшимъ Его, памятникъ Александру II есть предметъ не только дорогой, любимый и уважаемый, а есть своего рода священный алтарь для завѣтныхъ воспоминаній, благоговѣйныхъ думъ и святыхъ молитвъ.

Едва 30 августа упала завѣса съ памятника, едва жаднымъ взоромъ каждый изъ насъ облобызаль изображенное на немъ это, столь знакомое, благороднѣйшее чело открытое, эту прекрасную фигуру во всемъ царственномъ величій представшаго намъ Любимца нашего всенароднаго, какъ подавляющимъ роемъ осѣнили насъ болѣзненно-сладкія воспоминанія, зашевелились въ сердцахъ нашихъ разнородныя волненія, ожили и нѣкоторыя было уснувшія чувствованія.....

Какъ живой всталъ Онъ предъ нами, Онъ—добрѣйшій и человѣчѣйшій изъ людей, милостивѣйшій изъ владыкъ земныхъ, Онъ—вѣковѣчная гордость и слава наша, истинный благодѣтель народа своего, защитникъ человѣка во всемъ человѣчествѣ.... И волны святого восторга и радостнаго умиленія вдохновили всѣ существа наши при этомъ свиданіи съ Нимъ!

Но еще и предшествовавшія открытію памятника приготовленія, и все это живѣйшее напоминаніе объ Александрѣ II.—не могли не коснуться и того сокровеннаго уголка въ сердцѣ русскомъ, гдѣ отъ переутомленія боли и отъ дѣйствія всеисцѣляющаго времени уже стала какъ бы закрываться, стала какъ бы

утихать рана жгучая, боль неутолимая.... За милость и человеколюбіе Его—Ему воздано было звѣрской жестокостью и крестомъ страдальческимъ, за Его добро и благодѣянія—Онъ получилъ вѣнецъ терновый и мученичество!... О, эта адская обида и несправедливость! О, этотъ неизгладимый позоръ русскій! О, это несмысленное оскверненіе земли родной и вѣчный стыдъ всѣмъ намъ за Него и предъ Нимъ!... Невинный Страдалецъ, однимъ безмолвнымъ напоминаніемъ о Себѣ, открылъ эту неисчлѣпимую рану, и мучительно заныла она въ глубинѣ души.... Слезы не одной только радости, а и жгучія слезы огорченія туманили глаза, стѣсняли грудь при взглядѣ на Него.....

Но прошли уже дни и даже цѣлыя недѣли со времени открытія памятника; острота первыхъ впечатлѣній „Александровскаго праздника“ сгладилась, и мы болѣе спокойно взираемъ теперь на нашъ памятникъ, болѣе спокойно можемъ разобратъся и во впечатлѣніяхъ минувшаго торжества. Именно въ немъ, въ нашемъ памятникѣ Александру II мы и усматриваемъ теперь примиреніе и разрѣшеніе тѣхъ разнородныхъ чувствъ—радости и печали, восторга и слезъ—которыя взволновали насъ на открытіи. Именно въ памятникѣ-то, какъ въ фокусѣ, отразились и вылились—наша любовь къ Александру, благоговѣніе предъ именемъ Его, и въ тоже время—наше предъ лицомъ цѣлаго свѣта открытое покаяніе за Него, исповѣдь нашихъ великихъ грѣховъ предъ Нимъ. Съ одной стороны, памятникъ Александру II, воздвигнутый любовью нашею, явился единственно только и возможнымъ теперь отъ насъ выраженіемъ благодарности нашей Царю-

Благодѣтелю за все добро, Имъ совершенное для насъ, за все благо, Имъ явленное странѣ родной; а съ другой стороны, нашъ памятникъ Александру II является и какъ бы искупительною жертвою Царю-*Мученику*, за нашу смертную вину предъ Нимъ. Чрезъ памятникъ мы примираемся съ Его вѣчной тѣнію, и отнынѣ такъ же опять доврчиво, открыто и несмущенно будемъ смотрѣть въ очи Его, вѣковѣчно среди насъ живущаго, какъ любовно и преданно смотрѣли въ эти очи Его, для насъ жившаго.

Такимъ образомъ, нашъ памятникъ Александру II есть прежде всего выраженіе нашей благоговѣйной любви къ Нему и нашей незабвенной благодарной памяти о Немъ.

Можно ли въ краткомъ словѣ перечислить все добро, принесенное намъ этимъ Мудрецомъ-Правителемъ и, въ тоже время, добрѣйшимъ нашимъ Государемъ-Благодѣтелемъ?! Возможно ли въ короткое время даже бѣглымъ взоромъ обозрѣть Его, полный самоотверженной любви къ народу своему, двадцатилѣтній царственный подвигъ?! Во всякомъ случаѣ, все, что бы мы ни вспомнили изъ эпохи Его царствованія, на чемъ бы изъ Его дѣлъ и начинаній ни остановили взора своего, все это можетъ свидѣтельствовать только о величій Его личности, громко вѣщать только о славѣ Его имени; все, нами отъ Него видѣнное, воспринятое и намъ о Немъ вѣдомое, извѣстное, всецѣло подъямлетъ Его въ нашихъ глазахъ на почетнѣйшій пьедесталь Царя — истиннаго Благодѣтеля, Царя — истинно Великаго!

По слову древняго пророка Божія, *владѣтъ Вышній царствомъ человѣческимъ*, Самъ Господь *поставляетъ царей и потребнаго во время воздвигаетъ на землю* (Дан. IV, 14; II, 21). Нельзя съ особенною очевидностію не усматривать этого избранія Божественнаго на нашемъ Александрѣ! Съ самаго рожденія Его всѣ обстоятельства предъказывали въ Немъ человѣка не простаго и обыкновеннаго, а богоизбраннаго, того *Потребнаго*, котораго Господь *во время воздвигъ* для своей, право славящей Его, Россіи.

Въ 1818 г. въ царскомъ семействѣ, у брата Государя Александра I-го, у великаго князя Николая Павловича родился сынъ Александръ. Случилось такъ, что Александръ узрѣлъ свѣтъ Божій въ одинъ изъ свѣтлыхъ и благословенныхъ дней свѣтоноснаго праздника Пасхи Христовой. Еще болѣе знаменательно случилось такъ, что родился Онъ не въ Петербургѣ, обыкновенномъ мѣстопребываніи царской семьи, а въ первопрестольной Москвѣ и притомъ въ самомъ, такъ сказать, сердцѣ ея, въ святомъ кремлѣ, въ старинномъ помѣщеніи древнихъ митрополитовъ, подъ сѣнію храмовъ святыхъ, въ которыхъ почиваетъ цѣлый святыи сонмъ нетлѣнныхъ царей и князей російскихъ. Еще неожиданнѣе случилось то, что этому сыну не наслѣдника престола однако суждено было стать самому наслѣдникомъ, а потомъ и императоромъ всеросійскимъ.

Наконецъ, не менѣе неожиданно и знаменательно случилось то, что съ самаго дня рожденія Александра, на Него обращены были взоры, какъ именно на будущую надежду Россіи и какъ на царевича не обыкновеннаго. Самъ Родитель Его, еще до рожденія сына, „укрѣпилъ душу свою обѣщаніемъ“: во имя Александра

Невскаго воздвигнуть святой храмъ, — и тотчасъ же ознаменовалъ рожденіе царевича Александра исполненіемъ своего обѣта въ монастырѣ Новоіерусалимскомъ. Этимъ своимъ приношеніемъ, августѣйшій Отецъ, по его словамъ, „повѣрялъ Отцу Всемогущему свое драгоценное благо—участъ сына“. Знаменитый въ ту пору нашъ баянъ російскій, поэтъ Жуковскій, привѣтствовалъ „милаго пришельца въ Вожій свѣтъ“, царевича Александра, стихами, въ которыхъ, какъ бы по какому наитію, предсказалъ будущее величіе родившагося: въ формѣ пожеланія новорожденному, въ которомъ тогда и вообразить невозможно было будущаго императора, Жуковскій сказалъ, что Онъ будетъ представителемъ „обильнаго чествомъ вѣка“, что Онъ „славнаго участникъ славный будетъ“, что будетъ Онъ „время своихъ красой“, что будетъ „на чредѣ высокой“ и въ этомъ положеніи своемъ будетъ добръ и человѣченъ.

А когда Александру Николаевичу исполнилось пять лѣтъ, другой поэтъ, Рылѣевъ, привѣтствуя Его въ день тезоименитства, еще прямѣе и опредѣленнѣе, безъ всякихъ тогда видимыхъ на то оснований, предсказывалъ:

„Быть можетъ, корона
Тебѣ назначена Творцомъ, —
Учись заранѣ быть царемъ!“

Около этого же времени нашъ знаменитѣйшій поэтъ и исторіографъ, уже престарѣлый Карамзинъ, тоже движимый какимъ-то тайнымъ предчувствіемъ, обнаружилъ особенно предупредительную заботливость о правильномъ обученіи и образованіи подроствавшаго князя: онъ подалъ императору Александру I особую записку, въ ко-

торой горячо доказывалъ необходимость именно русскихъ воспитателей и учителей для царевича: „желаю сего счастья милому Александру Николаевичу!“—Все это свидѣтельствуесть, что общество русское обратило особенное вниманіе на царскаго племянника и какъ бы инстинктивно предугадывало въ Немъ, какъ выразился Жуковскій, „Россіи свѣтлую надежду“.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ Александръ Николаевичъ началъ уже оправдывать всѣ возлагавшіяся на Него ожиданія. Онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ прекраснѣйшими качествами своего ума и добрѣйшаго сердца. Подъ руководствомъ назначенныхъ Ему воспитателей—извѣстнаго ученаго богослова, протоіерея Павскаго, и рѣдкою чистаго и прекраснаго христіанскою душою поэта Жуковскаго, уже объявленный съ семилѣтняго возраста наслѣдникомъ русскаго престола, цесаревичъ Александръ получилъ основательное, серьезное образованіе и самое счастливое, самое гуманное воспитаніе. Прирожденные Его богатой натурѣ благіе задатки быстро и въ высокой степени развились въ Немъ въ тѣ человѣчныя достоинства, которыми такъ прославился и возвеличился Александръ во всю свою жизнь.

Измлада возлюбя народъ свой и его святую вѣру, Цесаревичъ объѣздилъ всю Россію, посѣтилъ знаменитыя обители русскія, съ чистою и искреннею вѣрою и молитвою поклонился предъ святынями православно-русскими. Лично ознакомился Онъ со всѣми концами обширной страны своей, не исключая и далекой Сибири; всюду и на мѣстѣ приглядѣлся Онъ къ быту и нуждамъ народа своего. „Я своими глазами и вблизи познакомился съ нашей матушкой-Россіей, и научился

еще болѣ любить ее и уважать“, писалъ самъ Онъ во время своего путешествія къ одному изъ своихъ наставниковъ.

Еще не призванный на служеніе къ правленію страшною, Онъ обнаруживалъ уже великія доблести и дарованія; были случаи, когда дѣйствія Наслѣдника приводили въ восторгъ всю Россію и даже становились извѣстными внѣ Россіи. Вотъ, напр., во время пребыванія своего на Кавказѣ, Онъ выказываетъ великое самоотверженіе и поразившую всѣхъ храбрость, когда, слѣдуя съ воинскимъ отрядомъ изъ одной крѣпости въ другую и завидѣвъ партію горцевъ, Онъ быстро и далеко ускакалъ впередъ, на встрѣчу къ нимъ, пренебрегая явною опасностію. Вотъ изъ Сибири, покаяясь добродушному движенію своего человѣколюбиваго сердца, Онъ шлетъ ходатайство къ державному Родителю своему объ облегченіи тяжелой участи каторжниковъ. Вотъ Онъ удивляетъ всѣхъ своимъ мудрымъ тактомъ, временно управляя всѣмъ государствомъ, во время заграничнаго путешествія своего Родителя. Вотъ Онъ дѣятельно принимаетъ участіе въ трудахъ и заботахъ Императора Николая во время турецкихъ походовъ на защиту православныхъ отъ турецкаго насилія. И т. д.

Радовался Родитель, мудрый Императоръ Николай, глядя на достойнаго своего Сына: „Я Имъ доволенъ, писалъ счастливый Отецъ о пятнадцатилѣтнемъ Цесаревичѣ Александрѣ къ Его воспитателю: у Него сердце доброе, готовое на все хорошее и благородное“. Благоговѣнно и преданно полюбилъ Наслѣдника царственнаго и весь народъ русскій. Все заставляло видѣть въ Немъ вѣрный залогъ благословенія Божія на царство русское, все внушало благую надежду, что Онъ

будеть радостью и утѣхою народа, славою и честію Россіи.

И все это, милостію Божіею, вполнѣ оправдалось. Въ 1855 г. Александръ Николаевичъ вступаетъ на прародительскій престоль. День восшествія Императора Александра II на престоль, не смотря на массу нависшихъ тогда надъ Россіею политическихъ тучъ и всякихъ затрудненій, былъ для всѣхъ русскихъ днемъ великой отрады въ горѣ и лучомъ свѣтлой надежды въ пучинѣ скопившихся бѣдствій. Приснопамятный святитель московскій митрополитъ Филаретъ писалъ въ этотъ день къ А. Муравьеву: „Слава Богу! свѣтлыя вѣсти о воцарившемся Государѣ разрѣшаютъ облако и озаряютъ души (наши) надеждами!“ Одинъ изъ поэтовъ русскихъ (М. Дмитріевъ), привѣтствуя новаго Императора, свидѣтельствуетъ о той любви, какую питалъ къ Нему народъ русскій, о томъ довѣрїи и той надеждѣ, какія уже успѣлъ внушить къ себѣ Александръ Цесаревичъ:

„Знаемъ мы: Ты кротокъ духомъ!
Давно полна Россія слухомъ
Небесной благодати Твоей!
О комъ вели мы рѣчи прежде?—
Не о Тебѣ-ль, своей надеждѣ!“

Другой поэтъ (Н. Прокоповичъ, другъ Гоголя), непоколебимо убѣжденный въ величїи Александра, еще только привѣтствуя Его съ восшествіемъ на престоль, уже предсказываетъ и результатъ Его благодѣтельнаго царствованія:

Заранѣ слышу я племеньъ благословенья,
Молитвы теплыя, молитвы за Того,
Кто ангельскою души нѣжнѣйшія движенья
Всѣмъ—благу посвятить народа своего!“

Но вотъ раздалось и слово самого этого Любимца народнаго, новаго Императора; въ первыхъ же Высочайшихъ манифестахъ Александра II благоволеніе, доброта и сердечность Его облеклись въ знаменательныя и въ восторгъ всѣхъ приводившія выраженія благороднѣйшаго сердца. Новый Монархъ возвѣщалъ народу своему отраднѣйшее благовѣстіе, что, заботясь о славѣ и о могуществѣ Россіи, Онъ прежде всего „пріемлетъ священный обѣтъ имѣть всегда единою цѣлю— благоденствіе отечества“. Этотъ первый обѣтъ царскій и послужилъ программю всей царственной дѣятельности Александра II.

Двадцать шесть лѣтъ продолжался царственный подвигъ Александра II. Невозможно даже мысленно въ краткій срокъ прослѣдить славный путь этого величаваго, благодѣтельнаго царствованія, можно сказать, каждый день котораго достоинъ памяти, есть день историческій. Кто изъ насъ не помнитъ тѣхъ разнообразнѣйшихъ и многостороннихъ Его реформъ, преобразованій, Его необъятныхъ, безчисленныхъ трудовъ и неуспынныхъ заботъ о нашей многомилліонной семьѣ— не только русской, но и общеславянской?! Кто не знаетъ и того, какъ плодотворны и благодѣтельны были не только для отечества нашего, но и для цѣлаго племени нашего славянскаго эти царственные труды Александра?!

Съ перваго же момента своего царствованія Александръ II пришлось браться за труды неимоверныя, вступитъ въ борьбу съ препятствіями, почти неодолимыми. Вся Россія тогда крайне нуждалась еще во внутреннихъ преобразованіяхъ, въ мирномъ развитіи, а между тѣмъ какъ разъ тогда именно западная Европа,